

Олег Шелонин

Виктор Баженов

Царский сплетник и шемаханская царица

Я пришел дать вам волю!

Олег Шелонин, Виктор Баженов

ЭБРИТАНСКИЕ ХРОНИКИ
ЛИКВИДАТОР НУЛЕВОГО УРОВНЯ
СЕРОЕ БРАТСТВО
СПЕЦАГЕНТ ИНКВИЗИЦИИ
ИЩУ СПАСИТЕЛЯ
НЕВЕСТА ДЛЯ ИМПЕРАТОРА
ЦАРСКИЙ СПЛЕТНИК
АНГЕЛЫ МИЛЛЕНИУМА. ИГРУШКА НА УДАЧУ
ТРИНАДЦАТЫЙ НАСЛЕДНИК
ЦАРСКИЙ СПЛЕТНИК И ШЕМАХАНСКАЯ ЦАРИЦА

Трилогия
«У ЛУКОМОРЬЯ»

ОПЕРАЦИЯ «У ЛУКОМОРЬЯ...»
ДЕЛО «ТРИДЕВЯТЫЙ СИНДИКАТ»
АКЦИЯ «БЛИЖНИЙ ВОСТОК»

Сериал
«АЛЕША ДРАКОНЫЧ»

АЛЕША ДРАКОНЫЧ
БИТВА АФЕРИСТОВ

Сериал
«ЛОВЕЦ УДАЧИ»

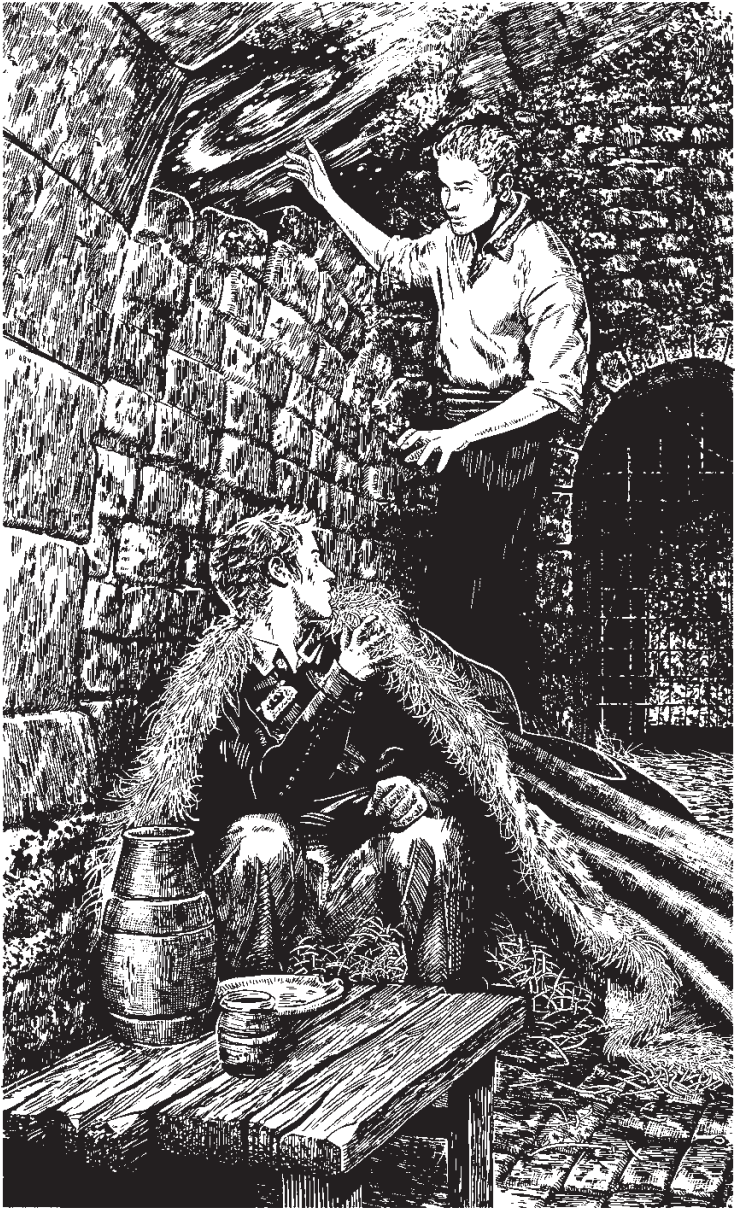
ЛОВЕЦ УДАЧИ
АКАДЕМИЯ КОЛДОВСТВА
ДЖОКЕР

Сериал
«БЕЗУМНЫЙ ЛОРД»

БЕЗУМНЫЙ ЛОРД
ВОЗВРАЩЕНИЕ БЕЗУМНОГО ЛОРДА

Сериал
«ПАЛАДИН»

ПАЛАДИН. ИЗГНАННИК
ПАЛАДИН. СТРАНСТВУЮЩИЙ РЫЦАРЬ
ПАЛАДИН. БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Олег Шелонин, Виктор Баженов

ЦАРСКИЙ СПЛЕТНИК И ШЕМАХАНСКАЯ ЦАРИЦА

Роман

Москва, 2011
ЕАРМАЛА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

1

— Опасность... я чувствую опасность...

Виталий застонал и перевернулся на другой бок. В голове и так шумело после трехдневного застолья, а тут еще во сне Парвати стала доставать.

— Бойся женщины... она принесет беду... — назойливо зудел в его голове голос индусской богини.

Смутное видение трансформировалось в обнаженное женское тело, но это была не Парвати. Во сне перед царским сплетником голая Янка с цветком лотоса в зубах отплясывала что-то среднее между канканом и лезгинкой.

— Твою мать! Когда ж ты женишься, сволочь? Невозможно же работать! — прозвучал в голове Виталика сердитый голос Парвати, и образ Янки начал расплываться. — Я ему об опасности, а у него, козла, все одно на уме! Женщины бойся, дурак!

Пронзительный визг, последовавший за этим внушением, сбросил Виталия с постели и заставил окончательно проснуться. Юноша потряс головой. За окном было уже светло. Вопль повторился. Виталий вскочил на ноги и в одних трусах выскочил из спальни. Пятки царского сплетника дробно застучали по лестнице. Он во весь опор неся на шум, гадая, что случилось на этот раз на буйном подворье Янки Вдовицы. Верещала явно хозяйка, но, судя по обертонам и еще кое-каким неуловимым интонациям, не от страха или боли, а от бешенства.

— Опять Васька с Жучком чего-то учудили, — сообразил парень и прибавил ходу, спеша спасти пушистых обормотов от гнева хозяйки.

Васька, иссиня-черный кот-баюн и Жучок, истинный оборотень, принимавший вид то маленькой домашней со-

бачки, то огромного матерого волка или, в зависимости от обстоятельств, человека, постоянно шкодили и периодически огребали за это от Янки то ухватом, то метлой. Она со своими охранниками, приставленными к ней Бабой-ягой, особо не церемонилась и спуску не давала.

Вихрем проскочив гридницу, царский сплетник помчался в холодную часть дома на шум и гам, несшийся с той стороны. Шум доносился из подклети. Юноша нырнул в полуподвальное помещение и в свете солнечных лучей, льющихся в кладовую через узкое окошко, расположенное под самым потолком, увидел следующую картину: Васька с Жучком с трудом удерживали рвущуюся в бой хозяйку, которая норовила огреть ухватом что-то черное, мохнатое, лежащее в углу, а вокруг царил полный разгром. На полу лежали надкусанные шматки сала, обгрызенные колбасы и окорока, бочка с вином исходила последними рубиновыми каплями, мерно падающими вниз из открытого краника...

— Всем стоять! — рявкнул Виталий.

Янка опомнилась и прекратила верещать. Парень протиснулся мимо девицы к ее жертве, склонился над клубком.

— Ну ни фига себе!

В углу подвала лежал черт. Маленький, мохнатенький, с хрестоматийными рожками и копытцами, свиным пяточком да плюс ко всему, судя по исходящим от него ароматам, в дупель пьяный. Пятачок и руки были измазаны в чем-то красном, а еще от него воняло. Виталий брезгливо поморщился, затряс головой.

— Янка, у тебя здесь где-то рыба стухла, а он, как мне кажется, ей умудрился закусить.

— Ты что, с ума сошел? — опешила Янка, оправляя на себе ночную рубашку. Девица тоже, видать, была только что с постели и рванула на разборку, впопыхах не удосужившись одеться до конца. — Я только копченую да свежего посола рыбку здесь держу. Чай не ледник, обычная подклеть.

— Понятно. Ну и что здесь происходит? Кто сюда рогатого притащил? — Виталий грозно посмотрел на секьюрити вдовицы.

— Ты чё городишь, сплетник! — дружно, в один голос завопили Васька и Жучок.

— Кто ж эту тварь ненасытную сюда притащит?! — Васька простер лапу к полкам. — Смотри, что натворил! Сколько сметаны выпил, гад! Половина кринок пустые!

— А сколько мяса перепортил! — вторил ему Жучок. — Самое лучшее, с сахарными косточками сожрал! А здесь... ты знаешь, сколько здесь было колбасы? Да ты смотри, смотри!

Виталик посмотрел. Кругов колбас, подвешенных на балке, осталось очень мало. Как минимум две трети мясной продукции бесследно исчезло. Пока он с Янкой любовался на погром, кот умудрился выскользнуть из подвала, что-то старательно пряча передними лапами за своей спиной. Виталий вновь склонился над чертом.

— Янка, это ты его так? — поинтересовался юноша, рассматривая выпачканные в крови руки и пяточок ночного визитера. В том, что неожиданный гость прибыл еще затемно, сомнений не было. Чтоб столько выпить и сожрать, времени нужно было много.

— Нет, — сердито буркнула девушка, зябко передернув плечиками. В подклети было не жарко, и босые ножки вдовицы приплясывали на холодном полу. — Васька с Жучком не дали. Он уже такой был.

— Даже яблоками не побрезговал, — покачал лобастой головой Жучок, пнув лапой валяющийся на полу огрызок. — Хозяйка, ты бы отвары свои проверила: а вдруг он туда наплевал.

Янка ахнула и кинулась к полкам со склянками, в которых хранила лекарственные зелья. Виталик перевернул мохнатый клубок на другой бок. Черт немножко повозился и опять засопел в две дырочки. Красный след на полу в том месте, где проехали лапки незваного гостя, привлек внимание журналиста. Он коснулся его пальцем, понюхал.

— Да это же краска, — дошло до царского сплетника. — Эй, Жучок, а ну-ка возьми его за рога. Я беру на себя копыта. Ташим этого ханурика к колодцу. Будем приводить в чувство. У меня к нему есть ряд вопросов.

— У него рожки, а не рога, как за них зацепишься?

— Ну, за руки.

— Они у него грязные, — заупрямился Жучок.

— Тогда за уши хватай, — начал сердиться юноша.

Такой вариант оборотня устроил. Уши у черта были длинные, как у козла, и хвататься за них было удобно.

— Все зелья целы, — с облегчением сказала Янка и поспешила по лестнице за постояльцем с оборотнем, которые вытаскивали черта наверх.

Они уже волокли его через сени, когда со стороны двора раздался дикий мяв и с крыши что-то грузно рухнуло на землю.

— Васька-а-а!!!

Янка молнией пронеслась мимо Виталика с Жучком и выскочила во двор. Журналист с оборотнем бросили черта на пол и рванули вслед за ней. Баюн лежал на земле, раскинув в разные стороны все четыре лапы, и внешний вид его заставил всех содрогнуться. Черная шерстка на голове Васьки была вымазана в какой-то бело-розовой субстанции, щедро усеянной кровавыми сгустками, а на лбу шерсти не было вообще. Вместо нее там торчала черепная кость. Открытые глаза его бездумно смотрели на плывущие по небу облака.

— Васенька... — Янка пошатнулась, но быстро справилась с собой. — Не трогать здесь ничего! — крикнула она и метнулась обратно в терем.

Жучок сел на хвост возле мохнатого друга, шальными глазами посмотрел на него, пару раз шмыгнул носом.

— Васька... дружан... — Волк задрал морду кверху и завыл.

Из сеней выскочила Янка с баулом в руках. Ночная рубашка развевалась за ней, как знамя на ветру.

— Ты что, с ума сошел? — треснула она оборотня по загривку, плюхаясь на колени рядом с Васькой. — Нашел время песню смерти петь. Видишь, он еще дышит! Лучше воды чистой с колодца принеси.

Жучок помчался на задний двор к колодцу, и оттуда до Виталика донесся энергичный скрип ворота. Юноша присмотрелся к баюну. Грудь гигантского кота мерно вздымалась в такт дыханию. Он еще был жив, но спасти его удастся вряд ли. С раскрытым черепом, когда мозги наружу... Внимание царского сплетника привлекли лапы баюна. Они, как и у черта, были вымазаны в чем-то красном. Парень потрогал пальцем лапу Васьки, понюхал... краска! И запах. Теперь и от

баюна несло тухлой рыбой и... тем, что он сразу не уловил. Свежим перегаром!

— Ты терпи, Васенька, терпи, — всхлипывая, причитала Янка, выуживая из баула какие-то склянки и белые тряпицы. По щекам вдовицы текли слезы. — Ты, главное, не умирай. Я ж тебя еще котеночком... Я... я тебя выхожу, все будет хорошо...

Виталий задрал голову вверх и сразу увидел, что на крыше, неподалеку от печной трубы, торчит черенок то ли лопаты, то ли граблей, то ли чего-то там еще. С этой позиции не видать, но, что бы это ни было, данная вещь там явно лишняя. А еще он увидел деревянную лестницу, приставленную к стене терема Янки Вдовицы. Она немножечко, где-то на полметра, не доставала до края крыши. Еще вчера вечером эта лестница валялась около сарая. Это он знал точно, так как она валялась там всегда. Ну, может, и не всегда, но, по крайней мере, с того момента, как он поселился на этом буйном подворье, лестница своего местоположения не меняла. И, что интересно, ее перекладыны в некоторых местах тоже были измазаны в краске.

Виталий выдернул из стоящего неподалеку чурбана топор и решительно полез по лестнице вверх. Янка, хлопотавшая над своим любимцем, на постояльца внимания уже не обращала. Для нее сейчас существовал только ее Васенька, и, пока она над ним колдовала со своими склянками, юноша решил разобраться с тем, кто скинул баюна с крыши. Однако добравшись до верха, он понял, что разбираться будет не с кем: ни одной живой души там не наблюдалось, но совсем недавно явно кто-то был, так как весь тесовый скат был размалеван алыми розами. В нос юноше ударила невыносимая вонь, исходившая от огромной полуразложившейся рыбы, прищипленной к крыше вилами, черенок которых юноша и увидел с земли.

— А это еще что такое?

Измученный голос Янки заставил Виталика вывернуть голову и посмотреть вниз. Девушка крутила в руках белый черепок, сдернутый с головы Васьки, который все поначалу приняли за осколок черепа кота.

— Да это же кринка... — Янка макнула палец в розовую субстанцию, заляпавшую голову ее любимца, лизнула... —

Сметана с клюквой... Ах ты, сволочь ушастая!!! Ах ты, морда бессовестная!!!

Янка откинула в сторону черепок и возжелала схватить Васюку за горло, но тот умудрился вывернуться, взметнулся с земли и с воплем «Не виноватый я!!!» ринулся наутек, по дороге снеся лестницу, на самом верху которой стоял Виталик. Лестница рухнула на Жучка, тащившего «болезному» ведра с колодезной водой. Рядом с ним в землю вонзился топор, выпавший из руки царского сплетника, а сам Виталик повис, судорожно цепляясь за край крыши.

— А ну стой, сволочь хвостатая!

Виталик на них внимания уже не обращал. Его задача была теперь не повторить путь кота, навернувшись с этой верхотуры вниз. Главное, что ушастый обормот жив, а гоняет его Янка не в первый раз. К этому царский сплетник уже привык. Рывком подтянувшись, он сумел закинуть одну ногу на край крыши. На расстоянии вытянутой руки заметил нож, вогнанный в дерево по рукоятку, и немедленно использовал его в качестве дополнительной опоры. Еще один рывок — и царский сплетник оказался на самом верху. Только поднявшись во весь рост, он смог оценить открывшуюся перед ним картину по достоинству. Над тухлым осетром, пришипленными вилами к крыше, вилась туча мух, а вокруг в художественном беспорядке были раскиданы розы. Но не одни они украшали этот натюрморт. Ближе к комлю большими корявыми буквами кто-то красной краской намалевал энергичную надпись: «СПЛЕТНИК, БУДЕШЬ МЕШАТЬ — УБЬЕМ!» Буквы во многих местах оказались смазаны. На них отчетливо были видны следы копытцев и отпечатки чьих-то лап разного размера. Одни из них явно принадлежали коту, другие смахивали на верхнюю пару конечностей ночного визитера, который, скорее всего, и был автором этих строк. Было на крыше и еще три надписи, исполненные таким же корявым почерком. Одна из них гласила: «НО ПАСАРАН! ОНИ НЕ ПРОЙДУТ!» Вторая повергла юношу в шок: «БЕЙ ЖИДОВ, СПАСАЙ РОССИЮ!» А уж последняя вообще была наповал: «СПАСИБО, ХОЗЯИН, ВИНО У ТЕБЯ ХОРОШЕЕ!»

— Слышь, Жучок! — крикнул Иван. — А ну-ка вытащи этого антисемита во двор!

— Какого антисемита? — Оборотень обалдело тряс головой, не отрывая глаз от топора, вонзившегося в землю рядом с его мордой.

— Того, что в сенях лежит. Этого кадра без присмотра оставлять нельзя. Удерет еще, а мне очень с ним по душам побеседовать охота.

— Ага... — Оборотень столкнул с себя лестницу и направился к сеням.

Мимо него просвистел кот, за которым неслась Янка с метлой наперевес. Они скрылись в тереме. Царский сплетник прислушался. Судя по грохоту, Янка сумела загнать пушистого обормота в свою светелку и активно занималась там воспитательной работой. Тем временем Жучок выволок черта из сеней во двор. Несмотря на то что он тащил его за хвост, возмутитель спокойствия, послуживший причиной всех этих безобразий, проснуться не соизволил.

— И что дальше? — крикнул оборотень.

— Спит?

— Спит.

— Это хорошо. Давай лестницу и ползи сюда.

Оборотень бросил черта, поставил лестницу на прежнее место и удивительно ловко вскарабкался на крышу.

— Ух ты! Цветы...

— И тухлая рыба, — многозначительно сказал царский сплетник, задумчиво глядя на проткнутого вилами осетра. Еще раз осмотрелся. Кроме вил в крышу в хаотичном порядке были воткнуты ножи и вилки, в которых он сразу опознал столовый набор Янки Вдовицы. А еще там лежала до боли знакомая вымазанная в краске тубетейка.

— Э, да тут написано: будешь мешать — уьем! — озаботился Жучок.

— Написано.

— Как думаешь, от кого послание? От Кошечья? От Дона? А может царю-батюшке чем не угодил?

Виталик посмотрел на оборотня как на больного.

— Ну, это я так, предположение высказал, — смутился Жучок.

— Нет, друг мой. Что-то мне говорит, что это сигнал от Дона.

— С чего ты взял?

— Так сицилийская мафия сообщает своей жертве, что ее приговорили. Ну, а так как мы в России, на всякий случай, для товарищей, не знакомых с их обычаями, перевод сделали: будешь мешать — убьем.

Очередной мяв со стороны светелки Янки закончился стуком створок распахнувшегося окна. По бревенчатому срубу заскрежетали когти, и на крышу вскарабкался всклокоченный кот.

— Нет, ты мне скажи, кто так над рыбкой издевался? — возмущенно прошипел он, глядя на царского сплетника шальными глазами.

— Вот это нам и надо установить, — хмыкнул журналист. — Пока что я понял только то, что мы получили первый звоночек от коза ностра.

— Насчет коз носатых не знаю, у нас такой нечисти раньше не водилось, — сердито мявкнул Васька, — но, судя по рыбке, это твои пираты постарались.

— С чего ты взял? — опешил юноша.

— А кто у нас всю рыбу Великореченска к рукам прибрал? — воинственно вопросил кот. — Твои гаврики постарались. Больше некому.

— Почему только они? — кинулся защищать своих людей Виталий. — Половина Вилли Шварцкопфу отошла. Он ей сейчас спекулирует, а остальное царь-батюшка в оборот взял. Забыл, что ли? Нам же с этого проценты капают.

— Тогда точно немец, — категорично заявил кот. — Фрицы, они такие...

— Слышь, хвостатый, — ласково спросил Виталик, — а ты себя часом не отмазываешь? А ну колись, почему у тебя лапы в краске? А вон и следы от них. Ну-ка, наступи рядом, будем отпечатки лап сверять.

— Ну, было дело, — отпрыгнул в сторону кот, — прихватил кринку. Думал, сейчас на крыше душу отведу, полакомлюсь, а тут рыбка. Я к ней, а над ней мухи... — Глаза Васьки стали жалостливые-жалостливые. — ...Не выдержал я такого зрелища. Так над рыбкой издеваться! Ну, я с крыши в обмо-

рок и упал... вместе со сметанкой. А уж когда кринка об меня разбилась — совсем плохо стало. Инфаркт миокарда! Видать, стареть начал. О-хо-хо, грехи наши тяжкие, — почесал Васька спину, по которой только что прошлась метла Янки.

— Ладно, по поводу сметаны, считай, отмазался. А вот объясни мне, усатый, почему от тебя перегаром тянет?

— Это не от меня! — запаниковал Васька. — И вообще, он первый начал!

Реакция у царского сплетника была великолепная. Он успел схватить за шкуру Жучка, не дав ему удрать, подтянул поближе, принялся. От оборотня тоже несло свежаком.

— Ага. На пару соображали, — сообразил царский сплетник. — Признавайтесь быстро: погром в погребе — ваша работа?

— Нет, его! — дружно ткнули пушистые обормоты в черта, лежащего внизу во дворе.

— Я в подклети, помнится, видел надкусанные куски сала, — вкрадчиво сказал Виталик, — а ведь черти сало не едят.

— Они что, евреи? — фыркнул кот.

— Нет, они не евреи, они просто родней не закусывают, — пояснил юноша, — думаю, что каннибализм не в почете даже в аду. Ну, так что? Будем колотиться или как?

— Не было нас там, — уперся Васька.

— Черт все сожрал! — поддержал его Жучок.

— И выжрал, — добавил баюн.

— Ладно, оставим разбор полетов на потом. Охраняйте этого рогатого, пока я одеваться буду.

— От нас не уйдет! — Васька с самым зверским видом выдернул из красного теса двухслойной крыши вилы. — Он мне за рыбку ответит, гад!

— Верно. — Жучок вырвал из крыши столовый нож. — Будем мстить!

— Так, хвостатые, — нахмурился Виталий, — если он до допроса не доживет, я вас...

— Что? — насторожились телохранители Янки.

— Хозяйке сдам, вот чего!

— Так не было ж ничего!

— Ничего не было!

— А это уж вы ее ухватите объяснить будете: было, не было... — отмахнулся царский сплетник и начал спускаться. Только на этот раз не с помощью лестницы, концы которой не доставали до ската крыши, а через окошко, ведущее на чердак.

— Куда?!! — всполошился Васька.

Поздно. Царский сплетник уже нырнул в чердачное окошко и тут же наткнулся на галерею кринок со сметаной.

— Та-а-ак, ну, Васька, попрыгаешь ты у меня.

Виталий спустился с чердака, заскочил в свою спальню и начал натягивать на себя штаны, в которых прибыл в этот мир из Рамодановска. Непривычный для этих мест костюм стал чуть ли не его фирменным знаком. По нему народ издалека определял, что идет царский сплетник, и загодя начинал ломать шапки. Слава крутого криминального авторитета Велikorеченска, сумевшего не только близко сойтись с царем-батюшкой, но и быстро разобраться с Кощеем Бессмертным и с таинственным Доном, бежала впереди него. Спустившись в гридницу, юноша прислушался. Судя по звукам, Янка шуршала в подклети, наводя порядок. Сейчас это его устраивало. Пока она там возилась, у него еще было время довести предварительное расследование до конца. Выйдя во двор, он первым делом погрозил кулаком Ваське с Жучком, которые задумчиво стояли над чертом — один с вилами, другой с топором, и направился к будке оборотня. Пришла очередь волноваться Жучку.

— Ты чего там позабыл?

— Я ничего, — откликнулся царский сплетник, становясь на карачки, — а вот ты по рассеянности, может, чего и забыл.

— Э! А санкция на обыск у тебя есть? — начал петушиться Жучок.

— Ишь, какой грамотный выискался.

Виталий попытался сунуть голову в конуру и понял, что чутье его не подвело. Будка Жучка была забита мясом с сахарными косточками и колбасами так, что голова туда не пролезала.

— Вот вы и попались, голубчики, — удовлетворенно сказал царский сплетник, поднялся с земли.

— Что ж ты так неаккуратно!

Около него тут же материализовались Васька с Жучком и начали отрясать пыль на коленях с его брюк своими мохнатыми лапками, подобострастно заглядывая в глаза.

— Вдруг царь-батюшка к себе зачем потребует, а ты как чушка в пыли да в грязи вывалялся, — тоном заботливой няньки бормотал Васька.

— А ежели Дон с Кощеем нагрянут? — вторил ему Жучок. — Враз весь авторитет растеряешь!

— Я оценил ваши заботы. Но тем не менее у вас есть только один шанс избежать заслуженной кары: добровольное признание. Оно, говорят, смягчает наказание. Я же вас, прохиндеев, насквозь вижу. Наверняка Янка собиралась сделать разборку в подвале, а заодно ревизию своим припасам. А что вас могло спасти от ревизии? Правильно: ограбление. Быстро колитесь: кому пришла идея на это дело черта нанять и где вы его откопали?

— Да никого мы не нанимали! — опять ушел в глухую незнанку кот.

— Не нанимали никого, — упрямо мотнул головой Жучок.

— Сейчас Янку позову, — пригрозил Виталик.

— Не надо! — взмолился Васька, помялся и безнадежно махнул лапой. — Ладно, сплетник, всю правду тебе скажу. В подвале мы его с Жучком прищучили, а он сразу полез обниматься, — шмыгнул носом кот, — и ведь знал, чем нас взять, зараза! Каждому налил. Одному, видите ли, пить не в кайф было. Ну, какой истинно русский кот...

— ...и собака... — понуро вздохнул Жучок.

— ...от такого предложения откажется? — закончил Васька.

Деваться пушистым обормотам было некуда, и они начали колотья. Этой ночью они на пару устроили очередной набег на запасы Янки Вдовицы, что делали, как выяснилось, неоднократно. Только на этот раз они наткнулись в подвале на развеселого черта, присосавшегося к бочке с вином. Увидев потенциальных собутельников, черт страшно обрадовался, полез обниматься, после чего налил каждому по полной чаре и устроил телохранителям Янки Вдовицы такой радужный прием, что они не устояли. Застолье проходило по всем правилам конспирации: они не топали, не шумели, пес-

ни не орали и даже тосты произносили шепотом. Черт периодически отрывался от застолья, но исключительно для того, чтобы сходить во двор по нужде. Если бы они знали, покаянно били себя лапами в грудь секьюрити вдовицы, что во время отлучек этот наглец посещал еще и крышу, дабы совершить акт вандализма над бедной рыбкой и намалевать там похабные надписи! А когда вино кончилось и черт окончательно ушел в нирвану, обормоты спохватились и недолго думая решили списать все эти безобразия на него, пополнив заодно свои личные запасы. И это бы, возможно, прокатило, если б рогатый не напакостил на крыше, о чем они в тот момент не подозревали, а царский сплетник не оказался таким дотошным.

— Ну наделали вы дел... Янка!!!

— Сплетник!!! Ну не будь сволочью!!! — взвыли проштрафившиеся охранники.

— Чего тебе? — Во двор выскочила раскрасневшаяся девушка с веником в руках. В отличие от царского сплетника, она еще не успела одеться и продолжала щеголять в ночной рубашке.

— Вот этого кадра хочу Гордону показать, — кивнул на черта Виталий, — а в мешке на горбу тащить как-то несподручно. Может, присоветуешь чего?

Васька с Жучком с облегчением перевели дух.

— Присоветую, — сердито откликнулась девица.

— Чего?

— Никуда его не носить.

— Это еще почему? — нахмурился Виталик.

— Потому! Нечего тебе с этим чертом в палатах царских делать.

— Янка! Этот черт не просто так сюда явился. Чую: заговор. Дело государственной важности назревает.

— Знаю я ваши государевы дела. Вы, как сойдетесь, сразу дым коромыслом. Всего и делов-то — меч в пузо за царя-батюшку получил, а весь Великореченск потом три дня не просыхал!

— Да я ж по делу!

— Так я тебе и поверила. Вот только попробуйте с ним

сюда на рогах с песняком припереться и полгорода с собой притащить. Если Василиса вам не нальет, у меня не просите.

— Не, Василиса не нальет, — успокоил разбушевавшуюся девицу Виталик. — Царица, как и все бабы, это дело не уважает.

— О том и речь! Учти, я тоже не налью. Нечего. Не забывай, что эта сволочь рогатая все вино у нас вылакала, — пнула она босой ножкой похрапывающего черта.

— Так его, хозяйка, так! — закивал головой Жучок.

— Ты его лучше вот этим. — Васька плюхнул в руки девушки вилы, которые Виталик тут же у нее отнял.

— Н-да-с... до допроса мой свидетель тут не доживет, — сообразил он.

— Свидетель чего? — насторожилась Янка.

— Страшного преступления, караемого рядом статей Уголовного кодекса, — начал нагонять туману Виталик. — А так как наш свидетель является одновременно и подозреваемым, а рядом с Васькой и Жучком может оказаться заодно и потерпевшим, то я в отношении него запускаю программу по защите свидетелей.

— Ничего не поняла, — тряхнула копной каштановых волос Янка.

— И не надо. На данном этапе твоя задача не понимать, а помогать — как мне его упаковать покомпактнее, чтобы в глаза не бросался и можно было спокойно протащить к царю?

— Сейчас сделаем. Подожди.

Девушка метнулась в терем.

— А я думал, заложит, — перевел дух Васька.

— Сплетник — мужик что надо! — радостно сказал Жучок. — Своих не сдает.

— Не думайте, что так легко отделались, — усмехнулся парень. — Должны будете.

Янка выскочила из сеней с резной табакеркой в руках.

— Сюда его засунем.

— Ух ты, какая красивая. Кто подарил? — ревниво спросил юноша.

— От бабушки по наследству досталась, — успокоила его

вдовица; сделала пасс в сторону черта, и тот мгновенно съелся, став размером с маленькую мышку.

— Круто! — Царский сплетник взял его за хвостик, кинул в табакерку, захлопнул ее и сунул в карман. — Ну, я к царю.

— Ты что, даже завтракать не будешь? — удивилась Янка.

Аппетит у царского сплетника был отменный, и на завтрак он обычно уминал целую гору плюшек с чаем.

— Говорю ж тебе, дело государево, — шлепнул по карману с табакеркой царский сплетник. — Но к ужину обязательно вернусь. Так что жди.

Виталик вытянул губы трубочкой и попытался сграбастать Янку, чтобы чмокнуть в щечку, за что тут же схлопотал от нее венником по голове.

— Куда лапы тянешь?

Слабая вибрация земли совпала с затрещавшими воротами.

— Янка, а тебе не кажется, что к нам кто-то стучится? — заволновался Васька.

— Ой, я, кажется, полог забыла снять, — испугалась девица, делая пасс рукой, и на подворье Янки Вдовицы хлынула лавина звуков.

Янка давно уже использовала эту уловку. Полог неслышимости и недосыгаемости она накладывала в тех случаях, когда надо было разобраться с Жучком, Васькой или с Виталиком, не привлекая внимания соседей к тому, что творится на ее подворье.

— Ломай ворота! — Командный голос Федота заставил Янку встрепенуться. — Все на штурм! Царский сплетник и Янка Вдовица в опасности!

— Ой! — Только тут девушка сообразила, что стоит посреди двора в одной ночной рубашке, и метнулась в терем.

Царский сплетник же рванул в другую сторону, сообразив, что brave воины сотника Федота запросто снесут ворота вместе с петлями и опорами, с которых теперь был снят полог недосыгаемости. Он успел откинуть засов и отскочить в сторону. Ворота с грохотом распахнулись. Два десятка стрелцов в обнимку с огромным бревном просвистели мимо царского сплетника, запнулись о чурбан для разделки мяса и рухнули вместе со своим импровизированным тараном посреди двора.

Последним во двор ворвался сотник Федот с саблей наголо. Увидев сплетника живого и здорового, да еще и с любопытством рассматривавшего, что получилось в центре двора, а получилась, понятно, куча-мала, стрелецкий голова с досады сплюнул и закинул саблю обратно в ножны.

— С Янкой все в порядке? — сердито спросил он.

— Все путем. А чегой-то вы здесь делаете? — наивно хлопая глазами, поинтересовался юноша.

— Гонцы мы от царя-батюшки! И почетный караул! Полчаса уже тут во все двери стучимся!

— Слышь, сплетник, — задумчиво сказал Васька, — может, мы теперь так дрова на зиму заготовливать и будем? Ежели каждый гонец к нам сюда с бревном... Может, они заодно его и распилят?

— Да вы совсем обалдели! — гневно рявкнул Федот. — Там вся боярская дума в полном составе царского сплетника ждет, царь-батюшка вокруг трона круги нарезает, а вы тут о бревне!

— Бревно тоже дело важное, — возразил сплетник. — Давай скажем, что вы его действительно на дрова принесли. А то, если Янка увидит, что вы с этой фигней в ее ворота ломились, плохо будет.

— Верно, — оживился Жучок, — пока Янка не видит, начинайте пилить.

— Не, вы точно с ума сошли, — пробормотал Федот.

В этот момент окошко на втором этаже терема распахнулось и из него высунулась Янка, уже одетая в свой любимый голубой сарафан.

— Что там у вас случилось?

— Да вот дровишки вам принесли, — сразу схватились за пилу стрельцы.

— Но это так, заодно, по ходу дела, — заволновался Федот, — вообще-то мы пришли сказать, что царь-батюшка царского сплетника видеть желает... уже полчаса желает... вместе со всей боярской думой... Я тут со стрельцами вроде как гонец и заодно почетный караул.

— Царя-батюшку заставлять ждать нельзя, — с сожалением вздохнула Янка.

— Вот и я о том, — обрадовался Виталик. — Уже иду.

— А мы проводим, — вызвался Жучок.

— Куда? — нахмурилась Янка. — А дрова кто пилить будет? Вы с Васькой остаетесь.

Васька с Жучком скривились и нехотя взяли за пилу, которую стрельцы с готовностью им уступили.

— Слышь, Федот, — прошипел Васька, демонстративно выпуская когти, — чтоб в следующий раз сюда ломились с заранее напиленными и сложенными в поленницу дровами.

— Ага... — Сотник бочком выскользнул с подворья.

За ним, кусая губы, чтоб не рассмеяться в голос, шел царский сплетник, гадая, за каким чертом потребовался царю-батюшке в такую рань, что он послал за ним гонца, да еще и с почетным караулом? Вроде вчера только расстались после трехдневной пьянки в честь спасителя отечества, и первую ночь он провел относительно спокойно. Неужели Гордон будет требовать продолжения банкета?

2

В палатах белокаменных Виталий пару раз уже бывал, а потому, оказавшись внутри, уверенно двинулся в сторону рабочего кабинета царя Гордона, но Федот на полпути его тормознул.

— Тебе туда, — кивнул он в сторону тронного зала.

— Так ты не шутил? — удивился Виталик. — Там действительно Гордон вокруг трона круги нарезает?

— Нет, конечно. С каких это пор цари холопов ждут? Не по чину, однако, будет, — рассудительно сказал Федот. — Он приказал: как тебя в палаты царские доставлю, ему об этом лично доложить, а уж опосля и он на заседание боярской думы с царицей-матушкой пожалует.

— Стратег, — одобрительно кивнул головой Виталий. — Однако что-то назревает. Не знаешь, из-за чего сыр-бор?

— А тебе Янка не сказала? — настороженно спросил Федот.

— Нет.

— Ну, тогда и я не скажу, — улыбнулся в усы сотник. — Иди, сплетник, не задерживай. Одного тебя все ждут.

Юноша не стал перечить. Он приветливо махнул рукой

стрельцам, застывшим в почетном карауле у дверей, и вошел в тронный зал. Бояре при виде царского сплетника надменно задрали бороды и бороденки вверх и демонстративно отвернулись. Нового фаворита царя-батюшки в этой среде не жаловали, именовали не иначе как безродным выскочкой и говорили с ним через губу, несмотря на все его заслуги перед отечеством. Лишь войсковой воевода боярин Кондыбаев приветливо махнул рукой. Остальные же члены боярской думы старательно делали вид, что царского сплетника здесь нет, и продолжали заниматься своими делами. А дел сегодня у думы было невпроворот: бояре злословили, шушукались, обменивались последними новостями и играли кто в кости на шелбаны, а кто в подкидного дурачка в ожидании державного. Ну и, разумеется, гадали, по какому поводу на этот раз Гордон созвал ни свет ни заря на экстренное заседание боярскую думу. Предположений было много, но все сходились во мнении, что, чем бы это заседание ни закончилось, кошельки растрясать по-любому придется, так как царь-батюшка, дай Бог ему здоровья, да со всего размаху, вечно привечает всяких иноземных проходимцев за их, боярский, счет. Виталик огляделся и понял, что ему даже притулиться негде. Все лавки были заняты боярскими задами. Лишь скромное кресло неподалеку от тронов Гордона и Василисы пустовало. К нему царский сплетник и направил свои стопы. Бояре тут же заметили и недовольно зароптали:

- Ишь, к царю-батюшке поближе пристраивается!
- Совсем одолела худоба безродная!
- Дык... он ему вроде жизнь спас...
- Так то бабушка надвое сказала. Можя, спас, а можя, и сам злоумышлял. Иноземцы, они хитрющие!
- Верно баешь, Кобылин. Таперича сплетник ваще обнаглеет.
- Да уже обнаглел. Говорят, дверь в кабинет Гордона ногой открывает...
- И чем он кормильца нашего так приворожил, не пойму?
- Чё ж тут непонятного? С нечистой силой связался. Поселился-то вона где! На подворье Янки Вдовицы! А она самая что ни на есть ведьма!
- Ну, ты говори, да не заговаривайся, Буйский! Знахарка,

а не ведьма. Ты, когда сам животом хворый стал, кого на свое подворье зазывал: лекарей иноземных али Янку Вдовицу? Вот то-то и оно. И называл ты ее тогда не ведьмой, а Янкой Лекаркой. Скажешь, не так? — сердито спросил Кондыбаев главу боярской думы.

— Вот завсегда тебе слово наперекор сказать надобно! Из-за таких, как ты, Козьма, род боярский и худеет! — зашипел на воеводу Буйский.

Назревающий скандал остановил рев труб.

— Государь всея Руси царь Гордон со своей супругой Василисой Прекрасной! — торжественно провозгласил глашатай.

Бояре начали прятать карты и кости по карманам, торопливо вскакивать с лавок. Поднялся со своего кресла и Виталик. Распахнулись узорчатые двери парадного входа, и в тронный зал вошли Гордон с Василисой. Бояре тут же начали усиленно, в пояс, кланяться. Виталик же лишь приветственно махнул рукой и дружески кивнул головой. Василиса невольно рассмеялась.

— Однако придворному этикету тебя придется подучить, — усмехнулся Гордон, помогая супруге усесться на трон.

— Извини, государь, — смутился царский сплетник, — непривычно мне это как-то.

— Придется привыкать. На первый раз прошая, но впредь на официальных приемах изволь хотя бы один поклон, как положено, отвесить, — погрозил пальцем Гордон царскому сплетнику и махнул рукой, предлагая боярской думе садиться. Бояре поспешили пристроить свои седалища на лавках. Виталик тоже попытался сесть, но Гордон его жестом остановил.

— Не спеши, царский сплетник. Мы с тобой еще за пиршественным столом успеем насидеться.

— Опять? — страдальчески сморщился Виталий. — Три дня ж уже гуляли.

Его страдальческая физиономия вызвала положительную реакцию со стороны Василисы. Царица-матушка одобрительно кивнула, но голоса не подала.

— Гуляли, но не в таком же составе! — обвел рукой бояр-

скую думу Гордон. — Или ты что, новый сан обмывать не собираешься?

— Какой сан? — насторожился царский сплетник.

— Сейчас узнаешь.

Царь Гордон трижды хлопнул в ладоши, и в тронный зал вошли слуги.

— Объявляю свою царскую волю! — торжественно провозгласил Гордон. — За раскрытие заговора супротив короны и спасение жизни первого лица государства жалую моего царского сплетника Войко Виталия Алексеевича саном боярским и шубой со своего плеча!

Гордон взял из рук первого слуги горностаевую шубу и лично накинул ее на плечи обалдевшего от такой чести журналиста. Второй слуга с поклоном передал царю боярскую шапку, которую Гордон тут же напялил на голову Виталику. Довершил картину боярский посох, плюхнувшийся в руки царского сплетника.

— Специально для тебя делан, — подмигнул Виталику Гордон. — Ты постоянно во что-нибудь влипаешь. Вот этим посохом, в случае чего, и отмахнешься.

Посох действительно был хорош. Острый, словно пика снизу, он был украшен сверху массивным набалдашником. Виталик взвесил посох, проверяя баланс.

— Свинцом, что ли, залит? — полюбопытствовал он, разглядывая резной набалдашник.

— С первого раза угадал! — восхитился царь. — Ну что, по руке посох будет?

Посох замелькал в руках царского сплетника с такой скоростью, что бояре ахнули.

— Еще как по руке! — одобрил подарок Виталий.

— Я знал, чего дарить, — самодовольно сказал царь. — Не первый год с боярской думой воюю. Ну, сплетник, теперь твое место рядом с ними, — кивнул он на тихо ропшущую боярскую думу.

Виталий покосился на смотрящих на него зверем бояр и отрицательно качнул головой.

— А можно я здесь посижу? — кивнул он на кресло, стоящее особняком.

— Тебе можно! — решительно махнул рукой царь.

— Гля-кось, — завистливо прошипел кто-то из бояр, — не успел шапку боярскую получить, и сразу под бочок к царю-батюшке подкатывается. Место потеплее занять норовит.

— Не, это он в оппозицию от нас уходит, — догадался какой-то особо грамотный боярин. — Супротив боярской думы что-то задумал.

Виталику стало откровенно смешно. Царский сплетник еще раз воинственно крутанул в руке посох.

— Это кто тут против оппозиции? — весело спросил он.

Боярская дума тут же прекратила роптать, зато подал голос царь.

— Ну, предположим, я, — сказал он, с любопытством глядя на сплетника. Гордону явно было интересно, как царский сплетник выкрутится.

Виталий его не разочаровал.

— Ты — царь, а не боярин, так что ты не считаешься.

— А если я за, — лукаво спросил Гордон, — то буду считаться?

— Ну это же другое дело! Считай, что ты записан в оппозицию. Ну, а кто против нас с царем-батюшкой? — спросил юноша боярскую думу, поигрывая посохом.

Василиса Прекрасная звонко расхохоталась.

— Ну и наглец же твой новый боярин, — сообщила она мужу.

— Зато теперь с такой-то оппозицией я с ними быстро разберусь! — дружелюбно хлопнул по плечу Виталика Гордон.

— А можно я тоже в оппозицию запишусь? — подал голос боярин Кобылин.

— И я. Я тоже в оппозицию хочу...

— И я!

— И я!

Буквально через несколько секунд выяснилось, что боярская дума в полном составе решила срочно записаться в оппозицию, что очень порадовало царя-батюшку.

— Редкое единодушие, — умилился он, — любо-дорого смотреть. Молодец, сплетник. Умеешь находить подход к людям. Однако, если все в одну дуду гудеть будут, скучно ста-

нет. Это что ж, мне на заседаниях боярской думы даже гонять некого будет? Не, так не дело пойдет. Оппозицию распускаю! У кого есть возражения? — Гордон начал засучивать рукава. — Давайте, давайте, не задерживайте, а то мне очень хочется приступить к прениям.

— Ты бы, царь-батюшка, процедуру присвоения титула боярского хоть до конца довел, — удрученно вздохнула Василиса Прекрасная, — а потом к прениям сторон переходил.

— Ну да... — почесал скипетром затылок Гордон, заставив корону съехать на лоб. — Присяга. О ней я как-то позабыл. Давай, сплетник, присягай мне на верность.

— Сейчас... — Виталий набрал в грудь воздуха побольше. Единственная присяга, которую он в своей жизни давал, была воинская присяга, а вот как присягают царю, он в упор не знал, а потому начал импровизировать на ходу: — Клянусь служить отчизне до последней капли крови... э-э-э... всех ее врагов и обломать вот этот посох о спины непокорных воле царя-батюшки. Так пойдет? — спросил он у Гордона, закончив речь. — От ритуала недалеко ушел?

— Нормально, — одобрил царь, — садись.

Виталий сел в присмотренное ранее кресло, Гордон взобрался на трон. В царской шубейке, да еще и в боярской шапке юноше сразу стало жарко, и он поспешил стянуть шапку с головы и пристроил ее у себя на коленях, вызвав очередной смешок из уст Василисы Прекрасной.

— Ты бы шапку-то надел. Не на паперти чай, — посоветовала она. — А то бояре опять сбрасываться начнут.

— Пусть сбрасываются, — буркнул царский сплетник, но все же шапку натянул обратно на голову, — глядишь, и на терем боярский наскребут. Не вечно же мне на постое у Янки состоять.

— Ты что-то против имеешь? — прищурилась царица.

— Нет, — улыбнулся Виталик, — веселое у нее подворье. Не соскучишься.

— И от палат царских недалеко, — кивнул Гордон, — однако резон в твоих словах есть, сплетник. Жалую тебе подъемные в размере тысячи золотых из казны царской... — При этих словах Василиса расцвела, и Виталик сразу понял причину ее радости. Заклятие, которое царский сплетник назвал

«синдромом Плюшкина», наложенное на Гордона неведомым врагом, начинало потихоньку рассеиваться под действием защитных чар Василисы и благодаря лекарскому искусству Янки Вдовицы. — ...И земельный надел, соответствующий сану боярскому, — продолжил свои благодеяния царь. — Отписываю тебе Заовражную изменность. Вся эта территория вместе с Засечным кряжем и Сварожской гатью отныне твоя!

Боярская дума при этих словах так радостно загомонила, что Виталик почувал неладное.

— Земли хорошие, прибыльные, — начал расхваливать свой подарок Гордон. — Урожай хороший дают... давали.

— Вот только желающих на эту землю немного, я угадал? — спросил царский сплетник.

— Так то по скудоумию своему бояре неразумные от подарка отказываются, — скривился царь. — Народишко глупый пошел, суеверный. Но ты не сомневайся. Таких земель, что я тебе пожаловал, ни у кого на Руси нет. Умному человеку есть где развернуться. Глядишь, я к тебе еще и на охоту приезжать буду... если, конечно, с эльфами сумеешь договориться.

— С кем? — ахнул Виталий.

— С местными жителями.

— Эльфы — местные жители? — недоверчиво спросил Виталик. — С каких это пор в наших исконно русских землях эльфы местными стали?

— С тех пор, как с западных земель сюда мигрировали, — тяжело вздохнул Гордон. — Пришлось дать им вид на жительство.

— Пришлось? — испытующе посмотрел на царя новоиспеченный боярин.

— Пришлось. А ты попробуй не дай! Они знаешь, как из луков стреляются. Опять же мы что, звери, чтоб не дать приют бездомным? Короче, отдаю их под твою руку вместе с вампирами, оборотнями, лешими, гномами и болотниками с чертями.

— Чертями?

— Ну да. Чертова мельница тоже в твоих землях стоит. А ты что, об этом не знал?

— Не знал.

— Ну, теперь знаешь.

— А гоблинов и троллей там случайно нет?

— Откуда я знаю, кого туда еще занесло? Я что, дурак туда теперь свой нос совать?

— Да-а-а...

— Чего замолк? Благодарю давай.

— Спасибо тебе, отец родной, — обреченно выдохнул Виталик, — за подарок твой офигительный. Век не забуду твой доброты.

Он уже понял, что помимо буйной компании подворья Янки Вдовицы на него навесили не менее буйные земли, заселенные родной и иноземной нечистью, с которой ему теперь придется налаживать отношения. И это не считая огромного объема работ, связанного со строительством типографии для организации газетного дела и книгопечатания на Руси.

— Вот и умница, — кивнул Гордон. — В земли свои без свиты боярской не лезь. И, пока там не утвердишься, к троллям не суйся. Запрещаю категорически. В момент сожрут. Ну свита, я так полагаю, у тебя уже есть. Ты с ней на днях Велюкореченск штурмом брал, так что опереться на первых порах тебе будет на кого. Для холопов твоих уже и одежды специальные пошиты. — Царь резво спрыгнул со своего трона и подал руку супруге, помогая и ей спуститься. — Ну, а теперь все на пир! Чествовать нового боярина будем!

Виталий еще раз обреченно вздохнул и поплелся за царственной четой в пиршественный зал. Все эти чествования ему уже порядком надоели. Подручные дона Хуана де Аморалиса, из тех, кого живыми взять сумели, в узилище четвертый день сидят, допроса ждут, а они все празднуют! Если так дальше будет продолжаться, недолго и в запой уйти. Как бы поделкатней намекнуть, что неплохо бы и делами заняться: царскому сплетнику — типографскими да вновь навязанными ему боярскими, а царю-батюшке — государственными?

* * *

Ближе к полудню от благих намерений царского сплетника не осталось и следа. Пир царь-батюшка закатил на славу. Здравницы в честь спасителя отечества произносились одна за

другой, водка, медовуха и дорогое заморское вино лились рекой, а потому скоро застолье плавно перешло от здравниц к банальным примитивным анекдотам порой довольно фривольного содержания, которые бояре называли байками и по очереди рассказывали под водочку с огурчиком и жареным поросеночком с хренком. Разумеется, это не все, что было на столе, который буквально ломился от яств, но лучше всего водочка шла именно под жареную хрюшку. Дошла очередь и до царского сплетника.

— Давай, боярин, — усмехнулся Буйский, — повесели общество своей байкой.

Виталик, который рассчитывал, что его минует чаша сия, слегка растерялся. Он как журналист знал бесчисленное множество довольно забавных анекдотов, профессия обязывала, но ни один из них не прокатывал в этом обществе. Ни царь, ни бояре их просто не поймут! Вот разве что загнуть чего-нибудь из жизни братьев наших меньших, да подвизать анекдот под великореченские реалии...

— Ладно, так и быть. Загну вам один забавный анекдот.

— А это еще что за зверь? — не понял Буйский.

— Байка, — пояснил Виталий.

— Так бы сразу и сказал, — фыркнул боярин Кобылин, — а то бросается словами иноземными...

— А кто тебе мешает их выучить? — задиристо спросил царский сплетник. — В наше время без знания языков...

Гордон отрывисто рассмеялся, и юноша поспешил заткнуться. Уровень его знаний в этой области (три пишем, два в уме) царь-батюшка выяснил при первом же знакомстве со своим новым подданным.

— Давай свой анекдот, — благожелательно кивнул Гордон.

— Что такое черепахи, знаете? — на всякий случай спросил Виталик.

— Да что ж ты, сплетник, нас совсем за темных держишь? — загомонили бояре.

— Знамо дело, знаем!

— Вона их сколько возле реки Великой ползает.

— Это радует, — кивнул царский сплетник. — Ну, слушайте. Решил однажды дон Хуан де Аморалис... — Бояре

встрепенулись. Имя дона Хуана, организатора нападения на царя, у всех было на слуху. — ...Устроить в Великореченске зоопарк.

— А что такое зоопарк? — недоуменно спросил боярин Жеребцов.

— Место, где зверей всяких экзотических в клетках держат, — терпеливо пояснил Виталий.

— А зачем это ему надоть? — удивился боярин Засечин.

— Выпендриться захотел. — Царский сплетник начал потихоньку закипать. — Показать, какой он умный и интеллигентный.

— Врешь ты все, сплетник, — тяжеловесно бухнул боярин Буйский, — не было у дона Хуана де Аморалиса никакого зоопарка.

— Так это же байка! — начал срываться Виталик, — Ну, скажем так: предположим, что дон Хуан де Аморалис решил однажды устроить в Великореченске зоопарк.

— А-а-а...

— Предположим...

— Ишь, мудрено-то как.

Чуя, что анекдот безобразно растягивается, рискуя потерять свою изюминку, Виталик зачастил:

— И вот заказал он себе из разных стран зверей диковинных: тигров, львов да леопардов всяких, ну и из местной живности немножко зверей набрал. Волков, лисиц, медведей и черепах. В клетки всех зверей посадил и охрану к ним решил приставить, чтоб кто-нибудь чего-нибудь не спер.

— Это да!

— На Руси это могут, — загалдели бояре.

— А потому охранять зверей он парочке своих ассасинов¹ приказал, — продолжил рассказ юноша.

— Кому? — переспросил боярин Засечин.

— Ассасинам, — раздраженно ответил Виталий. — Своим русским ниндзя обдолбанным, что с утра до вечера чертов та-

¹ Ассасины (от *арабского* *assassini* — хашишин, потребитель гашиша). В средневековых хрониках так называли персидских и сирийских исмаилитов-низаритов (шиитская ветвь ислама, возникшая в VIII веке в Багдадском халифате). Существуют расхожие представления о низаритах как о террористической секте, члены которой, одурманенные наркотиком фанатики, совершают многочисленные убийства на политической и религиозной почве.

бачок нюхают. Секта такая. Вы что, забыли, с кем стрельцы в римских термах рубились, когда на царя-батюшку покушение было? Трое из них, между прочим, до сих пор в тюрьге сидят, допроса дожидаются.

— А-а-а...

— Вот они какие, ассасины!

— Ишь, мудрено-то как!

— Царь-батюшка, — взмолился Виталик, — дай досказать смешную историю: прикажи им заткнуться. Не доводи до греха. Если они меня еще раз о чем-нибудь спросят, точно кому-нибудь голову откручу.

Василиса Прекрасная прыснула в ладошку.

— Продолжай, сплетник, свою байку рассказывать, — махнул рукой Гордон, — у тебя это здорово получается. Вишь, как царицу-матушку зацепило. Еще досказать не успел, а уже разве-селил. А вы помолчите! — прикрикнул он на бояр. — У царского сплетника слово с делом не расходится. Если пообещал голову открутить — значит, открутит.

За пиршественным столом тут же воцарилась тишина, и юноша наконец-то сумел довести до конца свою байку.

— И вот посадил он своих ассасинов обкуренных зверушек охранять. Ну, охраняют они, охраняют, и по ходу дела чертов табачок покуривают. Обкурились в хлам! Один обкуренный второму и говорит: «Слышь, друг, а ведь черепахам воздух нужен». «Верно, — отвечает второй ассасин, — они же в клетке сидят, как бы не задохнулись». — «Давай им клетки откроем, чтоб проветрились». — «Давай». Сказано — сделано. Открыли клетки. Наутро приходит в свой зоопарк дон Хуан де Аморалис — нет черепах. Начал он трясти своих ассасинов: «Где черепахи, мать вашу!!!» Ассасины ему и отвечают: «Да вот решили мы черепахам клетки проветрить, чтоб не задохнулись, дверцы открыли, а они как в них ломану-у-ули-и-ись...».

Несколько секунд в пиршественном зале стояла напряженная тишина, а затем подал голос боярин Буйский.

— Нет, пусть мне голову отвернут, но я хотел бы знать: на фиг открывать дверцы: в клетках же для воздуха завсегда дырки есть!

— Тьфу! — не выдержал Виталик. — Царь-батюшка, можно, я его все-таки убью?

— Посох новый опробовать не терпится? — рассмеялся Гордон, засучивая рукава. — Это дело! Я тоже давненько скипетром не работал. Сейчас мы с ними со всеми разберемся.

— А не пора ли тебе делами государственными заняться, сокол мой ясный? — ласково спросила своего царственного супруга Василиса Прекрасная. — Да и вы, гости дорогие, поели, попили, теперь пора и честь знать, — обвела она строгим взглядом боярскую думу.

Царь-батюшка сразу обмяк, как спущенный воздушный шарик, а боярская дума, уловив намек, дружно выползла из-за стола и начала откланиваться. Только царский сплетник вместе со всеми не спешил. Слова царицы о делах государственных напомнили ему о том, с чем он сюда поутру наведаться собирался. На вопросительный взгляд Василисы тихо ответил: «Дело у меня к царю-батюшке есть», — и как только за последним боярином закрылась дверь, выложил на стол табакерку.

— Знатной работы вещичка, — вскинул брови царица. — Если мне память не изменяет, тетушке моей принадлежала. Янка дала?

Виталик утвердительно кивнул головой.

— На время попользоваться.

— И зачем ты ее сюда притащил? — недоуменно спросил Гордон.

— Чтобы показать вам вот это, — открыл шкатулку юноша, продемонстрировав царственной чете дрыхнувшего в табакерке черта. Он так сильно набрался в Янкиной подклети, что до сих пор еще похрюкивал и повизгивал во сне.

— Откуда он у тебя? — нахмурилась Василиса.

— Из подвала Янки Вдовицы, — ответил Виталий. — Попытался сообщить, что, если я кому-то там буду мешать, меня убьют, но наткнулся в подвале на бочку с вином и не устоял перед искушением.

— От кого он сообщение пытался передать? — резко спросил Гордон.

— Как протрезвеет, уточню, но в принципе догадаться и так нетрудно.